

Чувство.
Из тайного дневника графини Ливии

На следующее утро, не позднее девяти часов, я приказала отвезти меня в комендатуру крепости. Подъем казался бесконечным: я велела Джакомо стегнуть лошадей. На площади перед замком толпились военные всех родов и званий, раненые, местные жители, но я беспрепятственно доехала до приемной, где пожилой инвалид принял у меня визитную карточку. Несколько минут спустя он вернулся и сообщил, что генерал Гауптман просит меня пройти в его личную квартиру и, как только он уладит некоторые безотлагательные дела, он придет засвидетельствовать свое почтение.

Меня провели через лоджии, коридоры и террасы в зал, откуда через три больших окна открывался вид на весь город. Адидже, прерываемая мостами, извивалась буквой S, одной из своих излучин огибая холм, на котором стоял Кастель Сан-Пьетро, а другой – еще один мрачный замок с зубчатыми стенами; среди домов возвышались древние базилики со своими башнями, и гигантским овалом зияла античная Арена ди Верона. Утреннее солнце сияло над городом и холмами: с одной стороны оно окрашивало горы в золотистый цвет, а с другой заливало своим безмятежным светом бесконечную зеленую равнину, по которой были разбросаны белые деревушки, домики, церкви и колокольни.

Громко смеясь, в зал вбежали две белокурые девочки с покрасневшими лицами. Уведев меня, они смутились, но вскоре набрались храбрости и подошли. Та, что постарше, сказала:

– Синьора, располагайтесь. Хотите, я позову маму?

– Нет, дитя мое, я жду твоего папу.

– Мы еще не видели папу с утра. У него много дел.

– Я хочу видеть папу, – закричала девочка помладше. – Я люблю папу.

В это мгновение вошел генерал, и девочки побежали ему навстречу, они вцепились ему в ноги, попытались вскарабкаться ему на плечи; он поднял одну и поцеловал ее, затем поднял вторую, обе смеялись как безумные; в глазах у генерала показались блаженные слезы нежности. Он повернулся ко мне и сказал:

– Простите, синьора. Когда у вас будут дети, вы меня поймете. – Он сел передо мной и добавил: – Имя графа мне хорошо знакомо, и я буду рад, если смогу быть полезным графине.

Я подала знак генералу, попросив его удалить детей, и он обратился к ним голосом, полным нежности:

– Бегите, доченьки, бегите, мы должны поговорить с синьорой.

Девочки сделали шаг в мою сторону, желая поцеловать меня; я отвернулась, и они ушли немного обиженные.

– Генерал, – пробормотала я, – я пришла, чтобы исполнить долг верного подданного.

– Графиня – немка?

– Нет, я из Трентино.

– Ах, что ж, – воскликнул он, глядя на меня с некоторым удивлением и нетерпением.

– Прочтите. – Я протянула ему решительным жестом письмо Ремиджо, которое заранее достала из кошелька.

Прочтя письмо, генерал спросил:

– Не понимаю, письмо адресовано вам?

– Да, генерал.

– Стало быть, автор этого письма – ваш любовник.

Я не ответила. Генерал извлек из кармана сигару и зажег ее; он встал и принялся расхаживать по залу; и вдруг он вырос передо мной, устремив взгляд прямо мне в лицо и сказал:

– Итак, поторопитесь. Я очень занят.

– Это письмо Ремиджо Руца, лейтенанта третьего гренадерского полка.

– И что?

– В письме все сказано. Он притворился больным, подкупив четырех врачей, – ответила я и выпалила с ненавистью: – Он дезертир.

– Я понял. Лейтенант был вашим любовником и бросил вас. И теперь вы мстите ему, подводя его под расстрел, а заодно и четырех врачей. Верно?

– Мне наплевать на врачей.

Генерал постоял какое-то время, нахмутив брови и о чем-то думая, затем он протянул мне письмо, которое я дала ему.

– Синьора, задумайтесь: доносительство – это подлость; своим действием вы совершаете убийство.

– Генерал, – воскликнула я, подняв голову и глядя на него с высокомерием, – исполните свой долг.

Около девяти часов вечера солдат принес в отель «Лондонская башня», где для меня наконец нашли номер, записку следующего содержания:

«Завтра утром, ровно в четыре тридцать, лейтенант Руц и врач его полка будут расстреляны во втором дворе замка Сан-Пьетро. Эта бумага гарантирует вам присутствие на казни. Нижеподписавшийся просит прощения графини за невозможность предложить ей лицезреть казнь остальных врачей, которые по причинам, не подлежащим упоминанию в этой записке, были переданы другому военному трибуналу.

Генерал Гауптман»

В три тридцать, в полной темноте, я вышла из отеля в сопровождении Джакомо. У подножия холма Сан-Пьетро я приказала ему оставить меня и принялась подниматься по крутой дороге. Мне было жарко, я задыхалась; я не хотела убирать вуаль от лица; вместо этого я расстегнула верхние пуговицы своего платья, подвернув края внутрь: свежий воздух обдавал грудь и облегчал дыхание.

Звезды бледнели, приближался рассвет, заполняя все желтоватым светом. Я проследовала за солдатами, которые обошли крыло замка и вошли во внутренний двор, закрытый со всех сторон высокими, неприступными стенами. Там уже выстроились два отряда гренадеров, они стояли неподвижно. Никто не заметил меня в этом полумраке, среди молчаливой толпы военных. Снизу, из города, доносился звон колоколов и разнообразные звуки. Скрипнула низкая дверь и из нее вышли двое мужчин с руками, связанными за спиной; один, худощавый и темноволосый, уверенно шагал вперед с прямой спиной и высоко поднятой головой; другой, с трудом поддерживаемый под руки двумя солдатами, едва тащился, всхлипывая.

Не помню, что было дальше: кажется, что-то зачитывали; потом я услышала грохот и увидела, как темноволосый юноша упал, и в тот же момент я заметила, что Ремиджо был обнажен по пояс, и эти руки, эти плечи, эта шея, все части его тела, которые я так любила, ослепили меня. В моем сознании вспыхнул образ моего любовника, когда в Венеции, в женских купальнях, он, охваченный страстью и восторгом, впервые сжал меня в своих стальных объятиях. Второй залп потряс меня: на еще трепещущую грудь, что была белее мрамора, бросилась светловолосая женщина, и кровь брызнула прямо на нее.

При виде этой бесстыдной девки ко мне вернулся весь мой гнев, а вместе с гневом – сила и чувство собственного достоинства. Я имела право сделать то, что я сделала, и я направилась к выходу, спокойная от гордости за исполнение трудного долга.

У ворот я ощутила, что кто-то срывает вуаль с моего лица; я обернулась и увидела перед собой грязную физиономию богемского офицера. Он вытащил из огромного рта чубук своей трубки и, придвигаясь ко мне со своими усами, плюнул мне в щеку...

*

Я говорила, что адвокат Джино вернется. Хватило одной строчки, чтобы он попался на крючок: «Приходите, помиримся». Он бросил свою простушку за неделю до дня предполагаемой свадьбы; и, обнимая меня почти так же сильно, как лейтенант Ремиджо, он то и дело повторяет:

– Ливия, ты ангел!